

Глава 17. Середина осени

С того памятного дня Юй Шаои осталась жить в павильоне Яньюнь. Всё пошло своим чередом: она разделяла с ними скромные трапезы, помогала в повседневных делах, и со стороны казалось, будто ничего и не изменилось.

Госпожа Юй, хоть и не выказывала явной враждебности, вела себя так, будто Юй Шаои вообще не существовало. Матушка совсем перестала улыбаться, а едва закончив с едой, спешно уходила в свои покои под предлогом нездоровья. Со временем она стала избегать даже старшего сына.

Видя угасание супруги, Юй Миньчжи на сей раз не метался в панике. Он словно предвидел такой исход: не искал больше редких снадобий и чудодейственных трав, а просто старался проводить с женой каждую свободную минуту.

К Шаои глава павильона относился ровно. Порой он даже пытался выказать отцовскую заботу, расспрашивая о годах, проведённых в даосской обители. Их общение оставалось натянутым, но в действиях отца по крайней мере не было той ледяной отстранённости, с какой держалась Госпожа Юй.

Вот только Шаои неизменно оставалась безучастной, отвечая на расспросы с вежливой холодностью чужака — отцовское тепло, запоздалое и робкое, её не трогало. С возвращением дочери весь дом Юй, да и весь павильон Яньюнь, погрузился в зыбкое, томительное безмолвие. Юй Шаолин чувствовал себя так, точно сидел на иголках.

Единственным утешением было то, что Шаои, словно обычная младшая сестра, тянулась к старшему брату. Стоило А-Цюэ выйти после утренних занятий, он неизменно замечал её у раскидистой ивы возле учебного класса. Одинокая фигурка в полутени — сидела ли она на скамье или стояла под свисающими ветвями — казалась ожившим рисунком мастера, настолько безупречной и хрупкой была её красота.

Подобное зрелище приводило в смятение юных учеников павильона Яньюнь. Не искушённые в делах сердечных, мальчишки мгновенно заливались румянцем, пихали друг друга локтями, строили рожи и украдкой косились на нежданную гостью, то и дело взрываясь громогласным хохотом. Гомону от них теперь было вдесятеро больше прежнего. А-Цюэ эта суэта не сердила. Младшие братья, шумевшие и прыгавшие вокруг точно озорные мартышки, переживали пору первой юношеской влюблённости. Их неуклюжие ухаживания казались трогательными и чистыми, а сам он не без гордости посмеивался, глядя на их смущение.

Иногда, улучив минуту, пока сестры не было рядом, он добродушно поддразнивал притихших юношей, доводя их до пущего смущения. Но однажды А-Цюэ, увлекшись весёлыми насмешками, упустил время. Шаои пришла раньше обычного и застала брата за самым разгаром шутовства. Смех застрял у него в горле. Он воровато покосился на стоявшую неподалёку девушку, но та сохраняла привычное хладнокровие, отчего парню стало окончательно не по себе.

Мальчишки-соученики, впервые оказавшиеся к первой красавице так близко, испуганно замерли, боясь издать хоть звук. Шаои же, ничуть не смутившись всеобщего внимания, смотрела прямо на А-Цюэ.

— Брат, пора возвращаться, — ровным, размеренным голосом произнесла она.

Юй Шаолин прикусил язык. Боясь ненароком обидеть сестру, он послушно поплёлся следом за ней.

Они шли молча, и когда тишина сделалась совсем уж невыносимой, А-Цюэ наконец решился спросить:

— Шаои, ты ведь не сердишься на меня?

Девушка лишь недоуменно приподняла брови:

— С чего бы мне сердиться?

— А почему ты тогда всю дорогу молчишь?

— Раз ты помалкиваешь, то и мне говорить незачем, вот и всё.

А-Цюэ только вздохнул.

— Тебе не по себе, когда я молчу? — бесстрастно уточнила она. — Хорошо, тогда я буду говорить.

— Нет-нет, не стоит, пусть всё остаётся как есть, — поспешно отмахнулся Юй Шаолин. У него уже голова шла кругом. Каждая попытка завязать с ней разговор оборачивалась подобной неловкостью.

Его названная сестра, признанная первая красавица этой истории, тот самый «белый лунный свет» — недостижимый идеал, по которому главный герой будет безутешно тосковать долгие годы даже после её безвременной кончины, — на деле отличалась нравом холодным и неприступным, словно вечные снега на далёких вершинах.

Её манера держаться, её слова — во всём сквозила какая-то младенческая чистота и полная неприспособленность к жизни, но вместе с тем между ней и остальным миром высилась незримая глухая стена. Она была чужой для всех. Впрочем, если подумать, этим ледяным равнодушием она подозрительно напоминала главного героя, Ци Фаня. Может, они и впрямь были созданы друг для друга судьбой?

Пока Юй Шаолин размышлял над хитросплетениями сюжета, Шаои вдруг прервала его думы:

— Брат, приготовь мне лапши с курицей.

А-Цюэ мысленно закатил глаза.

«Да ты на этой куриной лапше скоро помешаешься!»

Но спорить не стал и покорно свернул к пристройке, где располагалась кухня.

Заправлявшая там Тетушка Чжоу при виде неразлучной парочки лишь приветливо улыбнулась. Она тут же выставила на стол миску с рисовой лапшой и кувшин со свежим куриным бульоном, после чего оставила их наедине.

Шаои, проследив за её уходом, тихонько добавила:

— Пусть приготовит брат. И положи побольше жгучего перца.

— Хочешь, чтобы у тебя искры из глаз посыпались и язык отнялся?

А-Цюэ, уже мывший руки у кадки, закатал рукава и ляпнул это не подумав. И лишь секунду спустя осознал, как нелепо прозвучала его шутка. Он ведь разговаривал не со своими шалопаями-соучениками, а со священным, неприкосновенным «белым лунным светом»! Куда подевалось всякое уважение к будущей великой героине?!

Шаои и впрямь замерла в крайнем замешательстве. Она замялась, словно порывалась что-то ответить, но так и не решилась. В этот миг её обычно безучастное, словно выточенное из холодного нефрита лицо озарилось робким, живым чувством.

Видя её растерянность, А-Цюэ ощутил, как отступает недавнее напряжение. Он весело прищурился и потянулся к банке с приправами:

— Ну так что, сколько сыпать? Класть так, чтобы до слёз проняло?

Сестра молчала.

— Раз молчишь, пеняй на себя. Насыплю от души, — подначил её Юй Шаолин, демонстративно зачерпнув огромную ложку измельчённого чили.

— Брат! — воскликнула наконец Шаои с нескрываемым испугом, заставив его звонко рассмеяться.

Он со смешком отложил ложку, переложил готовую лапшу в глубокую пиалу и щедро плеснул туда золотистого куриного бульона. Поставив чашу перед сестрой, он мягко произнёс:

— Вот так-то лучше.

— О чём ты? — тихо спросила она.

— О том, что в семье всё должно быть именно так. Разозлилась — ругайся, обидели — покажи характер. А когда весело — смейся от души. Не нужно постоянно держать лицо и ходить на цыпочках, словно ты в гостях.

— Брат... — прошептала Шаои.

— Ну что, усвоила урок?

Девушка долго всматривалась в его лицо, словно пытаясь отыскать там скрытый смысл, а затем послушно склонила голову.

Пока она неторопливо ела, Юй Шаолин от нечего делать принялся разглядывать кухонную утварь и заметил через открытую дверь, как столпившиеся у столов стряпухи дружно вымешивают гору теста. Любопытство тут же взяло верх над скукой.

Павильон Яньюнь располагался в южных землях, где и в еде отдавали предпочтение местным традициям. За исключением редких маньтоу и баоцзы, здесь чаще готовили блюда из риса и лёгкие рисовые сладости.

Поражённый невиданным количеством теста, А-Цюэ подошёл поближе.

— Тётушка Чжоу, к какому пиру вы готовитесь? К чему столько муки переводить?

— Так ведь завтра Середина осени, малец! — добродушно отозвалась женщина, утирая пот со лба. — Пряники лунные печь собираемся. В павильоне-то нашем почитай несколько сотен душ кормится, вот и крутимся, да только боюсь, как бы и этой горы мало не показалось.

Тётушка вздохнула, но тут же лукаво подмигнула ему:

— Уж я-то знаю, что наш А-Цюэ за начинку из утиного желтка душу продаст. Не бойсь, для тебя вылеплю побольше да попышнее, наешься от пуза!

Юй Шаолин лишь теперь сообразил, что на календаре и впрямь середина восьмого лунного месяца. Шаои ведь потому и засобиравалась в дорогу заранее, твердя о скором празднике.

Но почему её редкие визиты всегда приходились именно на это время?

Задумавшись, он перевёл взгляд на сестру.

Девушка к тому моменту как раз расправилась с лапшой и бережно отставила пустую пиалу. Заметив его пристальный, изучающий взгляд, она растерялась:

— Брат, почему ты так смотришь?

— Да вот подумал... Я ведь так и не спросил тебя, почему ты возвращаешься домой только под Середину осени?

— Середина осени — время всеобщего единения. В этот день мне дозволено быть дома, — тихо ответила Шаои.

— Это понятно. Но ведь в году полно других праздников. Канун Нового года, Праздник драконьих лодок, Праздник фонарей... Разве в эти дни семьи не собираются за одним столом? Почему же ты никогда не приезжаешь тогда?

Шаои опустила взгляд. Молчание затянулось, прежде чем она едва слышно произнесла:

— Середина осени — день моего рождения. Как бы сильно матушка ни презирала меня, в этот день я могу рассчитывать хотя бы на тень снисхождения.

Юй Шаолин замер. В груди у него защемило от горького, щемящего чувства, которому он не находил названия.

Девушка, впрочем, не заметила его смятения. Она сама казалась растерянной от собственной откровенности: нахмурилась, словно пыталась разгадать какую-то сложную загадку в собственной душе.

Так они и сидели друг напротив друга в молчаливом раздумье, каждый наедине со своими невесёлыми мыслями.

Ночью Юй Шаолину спалось на редкость спокойно.

Если не считать мимолётного кошмара, привидевшегося ему в день приезда сестры, в последнее время его сны были тихими и безмятежными. Прежние липкие страхи отступили, и он спал беспробудно до самого рассвета.

В праздничное утро Юй Шаолин поднялся как обычно — на исходе часа Кролика, намереваясь совершить привычную разминку у старой сосны Тинъинь.

Стоило ему выйти во двор, как в лицо ударил густой, дурманящий аромат. Будто угадав наступление великого дня, кусты османтуса распустились за одну-единственную ночь, осыпав ветви золотыми искрами цветов.

Одного этого благоухания хватило, чтобы поднять ему настроение. В голову Юй Шаолину пришла замечательная мысль. Он тут же позабыл и про разминку, и про утренние лекции отца, решив без зазрения совести прогулять занятия. Вместо этого он со всех ног бросился на кухню.

Расспросив обо всём Тетушку Чжоу и наскоро собрав нужные припасы, А-Цюэ отправился искать Шаои.

Как он и ожидал, сестра уже стояла под плакучей ивой.

Увидев, как он запыхавшись несётся к ней, она растерянно моргнула. Но Юй Шаолин, не давая ей опомниться, крепко ухватил её за запястье:

— Быстрее, за мной!

Шаои вздрогнула. Пальцы брата были на удивление горячими, и это живое тепло словно обожгло её изнутри, отозвавшись в груди невольным трепетом.

Но стоило им сделать несколько шагов, как дорогу преградил отец. Юй Миньчжи заметил их из окна классной обители и без лишних слов выскочил наружу.

Сурово насупившись, он грозно воззрился на сына:

— Ты — Старший брат школы! Сам пропускаешь утренний урок, так чему же у тебя станут учиться младшие братья?

— Отец, ну правда, у меня важнейшее дело! — затараторил Юй Шаолин.

Однако Юй Миньчжи шутливого тона не принял и наставительно покачал головой:

— А-Цюэ, вечно у тебя отговорки. Прежде ты ныл, что занятия начинаются слишком рано и тебе не подняться с постели, но ведь научился же справляться с ленью? Ты — Старший брат павильона Яньюнь, а значит...

—...а значит, должен служить для всех образцом добродетели! — А-Цюэ сообразил, что отец

готов разразиться долгой проповедью, и бесцеремонно его перебил.

— Отец, у меня сегодня и впрямь неотложная забота. К тому же нынче праздник, сделай ты мне поблажку хоть раз в году!

Не дожидаясь ответа, он увлёк сестру за собой. Пробежав несколько шагов, Юй Шаолин спохватился и крикнул через плечо:

— Да, кстати! Как закончишь урок, бери матушку и приходите на малую кухню! Мы с Шаои будем ждать вас!

— Да постой же ты, А-Цюэ!..

— Вот и договорились, чур не опаздывать!

Не слушая родительских возражений, он ураганом пронёсся по двору и увлёк Шаои под своды кухонной пристройки.

Припасы уже стояли наготове. В глубоких чашах вымачивался полупрозрачный клейкий рис, а собранные на рассвете цветы османтуса, тщательно промытые, сушились на плетёном сите.

Юй Шаолин так и загорелся нетерпением, предвкушая весёлую работу.

Девушка, переводя взгляд с мисок на брата, спросила:

— Брат, зачем ты меня сюда привёл?

— Раз уж твой день рождения совпал с Серединой осени, да ещё и османтус так чудесно расцвёл, мы просто обязаны приготовить пироги с османтусом!

— И ты умеешь это делать?

— Ни капельки.

Шаои одарила его красноречивым молчанием.

— Но это пустяки! — весело отмахнулся он. — Матушка наверняка знает секрет. Вот она нас и поучит.

Сестра озадаченно примолкла, явно не зная, как реагировать на столь безумную затею. Юй

Шаолин же ни на миг не сомневался в успехе.

— Погоди немного. Спорим, отец расшибётся в лепёшку, но приведёт сюда маму?

И верно: не успело остыть сусло, как в дверях показался Юй Миньчжи под руку с супругой.

Госпожа Юй казалась нездоровой и хмурой. Она по-прежнему демонстративно не замечала дочь, глядя только на сына.

— А-Цюэ, что стряслось? — негромко спросила она.

— Мы с Шаои решили испечь пирогов с османтусом, да только ума не приложим, как замесить тесто. Матушка, научи нас, а?

Госпожа Юй заметно напряглась. Ей явно хотелось поскорее уйти.

— Я нынче неважно себя чувствую, сынок, — прохладно отозвалась она. — Лучше как-нибудь в другой раз.

— Ну матушка, пожалей нас! Тебе и пальцем шевелить не придётся, мы всё сделаем сами, ты только подсказывай!

Мать промолчала, но Юй Шаолин не сдавался:

— Ну пожалуйста, матушка! Мы так хотели попробовать. Если спина затекла, хочешь, я тебе плечи разомну?

Он дурачился и канючил с таким напором, что Госпожа Юй в конце концов сдалась и тихо вздохнула, не в силах устоять перед его ребячеством.

Юй Миньчжи заботливо придвинул для супруги табурет и примостился рядом. Так они и устроились вчетвером в тесной кухоньке, принимаясь за пироги.

Работы было немного: распарить клейкий рис, растолочь его до состояния нежной пасты, а после вмешать сахарный песок и душистые лепестки.

Но Юй Шаолин нарочно путал всё, что только можно. Он то рассыпал муку, то едва не ронял плошку, заставив Госпожу Юй сперва ворчать, а после и вовсе покачать головой от смеха. Не выдержав его неуклюжести, она сама взялась за дело, и от прежней болезненной вялости на её лице не осталось и следа.

Шаои же трудилась молча и сосредоточенно, выполняя каждое действие с безупречной ловкостью. Юй Шаолин, глядя на её идеальные заготовки, мог только сокрушённо вздыхать про себя:

«Ну что за упрямица! Хоть бы раз ошиблась ради приличия. Совсем не понимает, как расположить к себе людей».

Когда в тонких пальцах сестры уже очертился ровный, изящный брусок готового лакомства, А-Цюэ улучил мгновение и шутливо пихнул её в бок. Заготовка тут же смялась, превратившись в бесформенный комок.

Парень немедленно поднял крик на всю кухню:

— Матушка, спасай! Шаои тоже всё испортила, без тебя никак!

Госпожа Юй на мгновение застыла. Преодолевая внутреннее сопротивление, она всё же медленно подошла к дочери. Мать так и не произнесла ни слова, но ласково забрала изувеченную массу из её рук и принялась аккуратно, пальчик за пальчиком, выправлять форму.

Юй Шаолин стоял совсем близко и заметил, что сестра мелко задрожала.

Тогда он просто протянул руку и накрыл её холодные пальцы своими. Сжал их — крепко, надёжно.

В этом простом жесте не было слов, лишь безмолвное обещание: «Ты больше не одна. Теперь у тебя есть мы. Твоя семья».

Шаои вздрогнула. И вдруг сжала его ладонь в ответ — с такой неистовой, отчаянной силой, словно тонущий, обретший наконец спасительную опору.

И Юй Шаолин понял: теперь она не отпустит его ни за что на свете.

<http://bllate.org/book/18172/1749794>